

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

А. А. Искендеров.	В. П. Волгин и задачи изучения истории социалистических идей	3	
В. Л. Мальков.	В. И. Ленин и Ю. Дебс	17	
В. А. Смирнова.	Критика Ф. Энгельсом взглядов П. Ж. Прудона и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении	30	
А. Э. Штекли.	Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках» (1895)	61	
Н. Г. Федоровский.	Парижская Коммуна и трансформация лассальянства	87	
В. В. Галкин.	Джон Фрэнсис Брей	106	
Н. А. Ерофеев.	Промышленная революция в Англии и идея классов	134	
К. М. Андерсон.	«Беседы» Роберта Саути	159	
Э. И. Валлич.	Представления Чарлза Холла о современном ему и совершенном обществе	178	
Т. А. Павлова.	Социальные воззрения Томаса Чебба	191	
В. В. Карева.	Н. Гедвиль и его роль в распространении утопическо-коммунистических представлений во Франции	206	
Л. Л. Альбина.	Вольтер — читатель Мабли	233	
Л. С. Чиколини.	Социальные мотивы в творчестве Джованни Баттисты Джелли	240	
В. Ф. Мордвинцев.	Рождение легенды о «добром дикаре»	256	
		публикации	
О. Б. Воробьева, Я. Г. Рокитянский.	Записи Вильгельма Вейтлинга о встрече с Марксом осенью 1849 г.	273	
Вильгельм Вейтлинг.	Воспоминания о пребывании в Лондоне, записаны 13 января (1850 г.)	280	
		Примечания	281

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Промышленная революция в Англии и идея классов

Марксизм-ленинизм опирается на опыт и знания, накопленные человеком. Являясь наследником величайших достижений человеческого гения, марксистское учение продолжало их дальнейшую разработку, совершенствовало полученный теоретический багаж. Сказанное относится к идее классов и классовой борьбы.

К. Марксу и Ф. Энгельсу принадлежит открытие той решающей роли, которую борьба классов играла в истории человеческого общества. На существование классов и их борьбу в капиталистическом обществе, как известно, указывалось и до них. К. Маркс писал в 1852 г. своему соратнику и другу И. Вейдемейеру: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов»¹.

Однако идея классов в том виде, в каком она была изложена буржуазными историками во Франции и экономистами в Англии, была еще незрелой. В работах О. Тьерри, этого, по выражению К. Маркса, «отца «классовой борьбы» во французской историографии»², и других историков, например Ф. Гизо, А. Тьера, классы выступали как следствие иноземного завоевания и расовых различий. Что касается английских буржуазных экономистов, то они, высказав догадку о связи между властью и собственностью, не сделали попытки проследить влияние форм собственности на развитие классов и классовой борьбы. Маркс и Энгельс, взяв эту еще не очень зрелую идею, развили ее, придали ей стройный, законченный вид. Они связали классовую структуру общества с развитием материального производства. В марксистском учении о классах и классовой борьбе стало составной частью диалектико-материалистического понимания истории.

Задача настоящей статьи — проследить вызревание идеи классов и классовой борьбы в Англии в связи с развитием социаль-

ных отношений в этой стране. В существующей научной литературе этот вопрос не получил достаточного освещения. Буржуазные историки, которые в последние годы заинтересовались этой проблемой, ограничиваются главным образом семантической стороной дела, происхождением самой терминологии, игнорируя тот факт, что идея классов возникла в результате острых социальных столкновений³.

* * *

В середине XVIII в., до начала тех экономических сдвигов, которые обычно именуют промышленной революцией, Англия была страной аграрной: сельское хозяйство составляло основу ее экономики, в деревне проживало три четверти населения⁴. Промышленность еще не отделилась от сельского хозяйства. Рабочие мануфактуры, в которой преобладал ее рассеянный тип, жили в деревнях в собственных домах и, работая по найму, вели свое крошечное хозяйство. Политическая власть находилась в руках аристократических фамилий, которые одновременно были и крупнейшими земельными собственниками. Буржуазия не претендовала на роль в управлении государством и мирилась с всевластием аристократии. Если судить по внешним признакам, то можно сказать, что социальная картина Англии в середине XVIII в. более напоминала XVII, чем XIX в.

Между тем под покровом традиционной экономики в социальной структуре страны происходили существенные сдвиги, исподволь изменявшие ее лицо. Наемный труд получил широкое распространение. В конце XVII в., по подсчетам Г. Кинга, которые принимаются всеми исследователями вопроса, более половины населения страны не могло прожить на доходы от своего хозяйства⁵, иначе говоря, было вынуждено работать по найму. К середине XVIII в. социальная поляризация зашла еще дальше: наряду с небольшой группой богатых собственников земли существовала огромная масса людей, зависевших от наемного труда не только в городе, но и в деревне. Значительная часть сельских жителей, считавших себя крестьянами, на деле были наемными батраками в поместьях крупных собственников и фермеров-арендаторов.

Несмотря на то что основные классы капиталистического общества в Англии сложились во второй половине XVIII в., этот факт еще не нашел отражения в сознании современников и в идеологии эпохи.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 424—427.

² Там же, с. 324.

³ Briggs A. The Language of Class in Early Nineteenth Century England.— In: Essays in Labour History. L., 1960; Morris R. J. Class and Class-Consciousness in the Industrial Revolution 1780—1850. L., 1979.

⁴ Slater G. Growth of Modern England. L., 1939, p. 15.

⁵ King G. Natural and Political Conclusions Upon the State and Condition of England. L., 1696. Подсчеты Кинга впервые были опубликованы в 1802 г.

Это особенно наглядно прослеживается на структуре английского общества. Оно, как и за сотни лет до этого, состояло не из классов, а из «рангов», или «порядков» (orders). Все население делилось на три группы — джентльменов, «народ» и «толпу» (или «чернь» — *mob*). Понятие «джентльмен» было довольно расплывчатым: основным признаком принадлежности к этой категории было обладание известными средствами или занятие доходной и уважаемой профессией — адвокатурой, медициной и т. п. Обязательное условие для джентльмена — не заниматься физическим трудом⁶. Он отличался от всех других групп также одеждой, речью и манерами.

Еще более расплывчатой была группа «народ»: к ней относили всю ту часть населения, которая стояла вне существующей системы власти, но претендовала на участие в политической жизни. Сюда зачислялись люди, обладавшие собственностью, — торговцы, промышленники, зажиточные крестьяне и другие, поскольку, согласно тогдашним взглядам, лишь люди, имеющие собственность, заинтересованы в хорошем управлении. Весь трудящийся люд входил в категорию «чернь» и обычно не включался в категорию «народ»: работа по найму, согласно тогдашним представлениям, означала, что они не могут быть самостоятельными в своем поведении и своих мнениях, а это лишало их права участвовать в политической жизни и претендовать на это право.

Ссылаясь на тогдашние представления о структуре общества, английские буржуазные историки отрицают существование в то время классов. Так, историк Г. Перкин называет английское общество XVIII в. «бесклассовой иерархией»⁷, а П. Ласлетт считает его «обществом одного класса»: понимая под классом группу людей, объединенных для осуществления власти, он считает, что таким классом тогда могла быть только аристократия⁸.

Разумеется, подобное толкование социальной структуры искажает действительное положение, но оно отражает реальные трудности, связанные с его пониманием. Сословные градации заслоняли классовые различия и противоречия. Этому способствовала неразвитость классового сознания и преобладание локальных интересов над общеанглийскими. Так, рабочий мануфактуры, фактически существовавший на заработную плату, рассматривал обычно свое положение рабочего как временное, а свой заработок лишь как подспорье в хозяйстве и продолжал считать себя крестьянином. Общество того времени в глазах современников членилось не по горизонтальным слоям, не в зависимости от классовой и имущественной принадлежности, а как бы по вертикали: в одной и той же группе оказывались и лендлорд, и крестьяне, и батраки данного прихода.

Господствующая идеология того времени рассматривала общественное неравенство как естественный порядок вещей, как выражение высшей воли. Привилегии имущих и знатных представлялись вполне естественными и рассматривались не только как права, но и как обязанности, а в круг этих обязанностей входила функция защищать и кормить зависимых людей, давать им занятие. Влиятельный в свое время проповедник епископ Дж. Батлер (1692—1752) утверждал: «Тот, кто распределил людей на различные ранги и в то же самое время объединил и связал их в одно общество, поставил бедняков под управление и покровительство богатых. Таким образом, богатые в силу верховного предназначения обязаны заботиться о бедных»⁹. В обмен на это бедняки обязаны уважать богатых и повиноваться им. Английский автор писал об обязанностях крестьянина в 1672 г.: «Он должен питать страх и уважение к своему лендлорду и к соседнему джентльмену, ибо господь поставил их выше него и приказал ему чтить отца своего и высших своих»¹⁰. Обе стороны были связаны узами лояльности. Идеал равенства людей имел мало сторонников. Журнал «Джентльменс мэгэзин» в 1793 г., рисуя портрет «истинного британца», утверждал, что он «решительный противник равенства»¹¹.

Влиятельный публицист и теолог У. Пэли в конце XVIII в. в книге «Доводы в пользу довольства, обращенные к трудящимся беднякам» доказывал справедливость существующего социального порядка, в частности имущественного неравенства. Власть и богатство, писал Пэли, сопряжены с обязанностями заботиться о бедняках, и поэтому последние ее менее других заинтересованы в сохранении богатств: их уничтожение, писал Пэли, «не уничтожит бедных, но, напротив, оставит их без защиты и помощи»¹². Книга Пэли, которую неоднократно переиздавали в последующие десятилетия, выражала взгляды имущих классов своего времени, однако эти взгляды имели влияние на массу. В какой-то степени они выражали господствующую идеологию эпохи.

Из этой системы взглядов происходило также примирение с иерархичностью тогдашнего общества, с тем, что каждый социальный слой должен занимать свое, отведенное ему место, свою ступень на социальной лестнице. В обществе царил строгая градация. Эту иерархичность английское общество сохраняло очень долго: многие наблюдатели — как иностранцы, так и сами англичане — отмечали ее даже в XIX в. Русский путешественник профессор Харьковского университета К. Паулович, посетивший Лондон в 40-е годы XIX в., писал: «Нигде не считаются в таком

⁶ Laslett P. The World We Have Lost. 2nd ed. L., 1971, p. 30.

⁷ Perkin H. J. Origins of Modern English Society. L., 1969, p. 17.

⁸ Laslett P. Op. cit., p. 23—24.

⁹ Butler J. Fifteen Sermons. Works. L., 1892, vol. 1, p. 8—9.

¹⁰ Steele R. The Husbandman's Calling. L., 1672; Цит. по: Laslett P. Op. cit., p. 21.

¹¹ Gentlemen's Magazine, 1793, Jan., p. 37.

¹² Paley W. Reasons for Contentment Addressed to the Labouring Poor. L., 1837, p. 391—393.

высоком уважении ранги, чины и классы людей, как в Англии, не исключая из этого круга ни России, ни Китая»¹³. С этим соглашается английский писатель и политический деятель Э. Булвер-Литтон¹⁴.

Сказанное, разумеется, совсем не значит, что Англия XVIII в. не знала классовой борьбы: история этой страны за все столетия сохранила достаточно фактов ожесточенных битв, рабочих и крестьянских движений. Однако в умах людей того времени подлинное содержание этих событий не находило отражения, отсутствовало четкое понимание классовых интересов. Отсюда такие факты, как совместные выступления рабочих и хозяев против налогов или поддержка батраками лендлорда. Узлы традиционной сословной лояльности оказывались подчас сильнее, чем классовые интересы.

Начиная с 60-х годов XVIII в. в экономике Англии начались перемены, которые в дальнейшем вылились в коренную перестройку промышленности, а затем и всего хозяйства. На смену ручному труду пришла машина, ремесло и мануфактура уступили место фабрике и новой организации труда в крупных масштабах. Изобретение паровой машины, подсказанное потребностями растущего производства, обеспечило фабрики необходимой энергией. Железные дороги завершили складывание единого всеанглийского национального рынка и вместе с паромом ускорили обмен между народами и международное разделение труда. На протяжении одного столетия Англия радикально преобразовала свою экономику и превратилась в страну фабрик и заводов, крупного машинного производства.

Перемены в сфере производства не могли не затронуть социальной структуры. Промышленная революция, которую Англия пережила в эти годы, означала, по словам В. И. Ленина, «крутое и резкое преобразование всех общественных отношений»¹⁵.

Перемены коснулись прежде всего населения — его общей численности, состава и размещения по стране. Число жителей в стране с 1801 г., когда были опубликованы результаты первой всенародной переписи (Англия и Уэльс), до 1851 г. выросло с 8893 тыс. до 17 928 тыс. человек, т. е. в 2 раза¹⁶. Особенно быстро увеличивалось население промышленных центров: за первые 40 лет XIX столетия число жителей пяти промышленных графств возросло на 120%¹⁷. Важнейшие промышленные и торговые города за первую половину столетия выросли в 2,5 раза (в том числе Лондон — с 1117 тыс. до 2685 тыс. человек)¹⁸. В эти годы

ускорился процесс обезземеливания сельского населения. Поток разоренных людей направлялся в города, где в них нуждалась растущая промышленность.

Социальным последствием промышленной революции явилось неслыханное обогащение буржуазии. Миллионные состояния среди предпринимателей в эти годы не были уже редкостью. Состояние семьи Р. Аркрайта, который начал свое прядильное дело в XVIII в. с нескольких деревянных станков, в 1843 г. оценивалось более чем в 1 млн. ф. ст.¹⁹ Другой текстильный фабрикант Р. Пиль, отец известного политического деятеля партии тори, в 1830 г. оставил наследство в 1,4 млн. ф. ст.²⁰ Статистик П. Пиблер, опираясь на официальные данные о налоге на наследство, подсчитал, что в 1833 г. 29 семей получили наследство на сумму более чем 4820 млн. ф. ст.²¹ Общая сумма состояний, переданных по наследству, за 40 лет — 1797 по 1837 г. — также, по официальным данным, возросла с 28 млн. до 1015 млн. ф. ст.²² Этот прирост в значительной степени относился к буржуазии.

Обогащение буржуазии сопровождалось передвижками в ее лагере. Промышленная буржуазия явно усиливалась за счет торговцев и финансистов. На передний план выдвигался самый активный отряд этого класса — фабриканты.

Другим социальным последствием промышленной революции было формирование нового общественного класса — пролетариата. Фабрика вытесняла мелкое и домашнее ремесло. Процесс пролетариатизации происходил и в английской деревне. Шла дальнейшая концентрация земельной собственности. В 1850 г. Б. Дизраэли в палате общин на основании официальных данных утверждал, что треть всей земли в Соединенном королевстве сосредоточилась в руках 2 тыс. собственников²³. Одновременно происходило укрупнение аренды. Конкуренция требовала от арендаторов вкладывать в землю все более значительные капиталы. Мелкое крестьянское хозяйство не могло выдержать этой конкуренции и разорялось. По данным переписи 1831 г., почти половина всех крестьянских хозяйств (47%) не прибегала к найму рабочей силы²⁴: по существу это были батрацкие хозяйства. Крестьяне вынуждены были работать по найму в хозяйствах фермеров-капиталистов, чтобы свести концы с концами. Многие разорялись и пополняли кадры городских рабочих.

Содержание социальных процессов, происходивших в городе и деревне, заключалось в том, что на месте старых социальных

¹³ Паулович Р. Замечания о Лондоне: Отрывок из путешествия по Европе, части Азии и Африки. Харьков, 1846, с. 124.

¹⁴ Bulwer-Lytton E. England and the Englishmen. Lpz, 1834, p. 107.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 231.

¹⁶ Mitchell B. R. Abstract of British Historical Statistics. Cambridge, 1962, p. 6.

¹⁷ Westminster and Foreign Quarterly Review, 1848, Jan., p. 391.

¹⁸ Mitchell B. R. Op. cit., p. 19, 24—26.

¹⁹ Annual Register for 1843. L., 1844. Chronology, p. 65.

²⁰ Selley W. T. England in XVIIIth Century. 2nd ed. L., 1949, p. 249.

²¹ Pebrer P. Taxation, Revenue, Expenditure, Power, Statistics and Debt of the Whole British Empire, Their Origins, Progress and Present State. L., 1835, p. 338.

²² Essai sur l'économie politique de l'Angleterre. Bruxelles, 1846, p. 31.

²³ Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Series, vol. 108, col. 1034.

²⁴ Clapham J. Economic History of Modern Britain. The Early Railway Age 1820—1850. Cambridge, 1926, p. 107.

групп и отношений возникали новые классы и новые антагонизмы. Однако старые формы оказывались очень живучими. Батраки по старинке продолжали считать себя «хозяевами», хотя на деле были только наемными рабочими на фермах богатей. В городе происходило то же самое. Фабрика еще долго сосуществовала с мелким производством и домашним ремеслом. Технический прогресс иногда не только не отменял предшествующие формы производства, но даже замедлял их вытеснение. Так было, например, в вязальном производстве: изобретение ручного вязального автомата на время привело к огромному увеличению числа кустарей-надомников. Лишь постепенно крупное производство и фабрика брали верх, и кустари вливались в ряды фабричных рабочих.

Новые антагонизмы, присущие капиталистической системе, не ликвидировали старые, а как бы накладывались на них, усложняя и без того сложную социальную структуру. Социальные сдвиги влекли за собой и психологические последствия. Но новые классы лишь постепенно приходили к осознанию своего особого положения и своих интересов.

* * *

Буржуазия первой сформировалась и осознала себя в качестве особого класса. Английский историк А. Бриггс считает, что на формирование классового сознания английской буржуазии оказали влияние четыре фактора: прежде всего подходящий налог, введенный У. Питтом в 80-е годы XVIII в., поскольку он породил в кругах буржуазии недовольство и тревогу; затем войны с наполеоновской Францией, которые привели к дальнейшему увеличению налогового бремени; борьба за реформу парламента и, наконец, кампания за отмену пошлин на сырье и продовольствие, проходившая под лозунгом «свободной торговли» в 30—40-е годы XIX в.²⁵

Действительная картина была более сложной, чем это рисует А. Бриггс. Хотя факты, приводимые им, несомненно, сыграли определенную роль, вряд ли они были главными при формировании классовой идеологии английской буржуазии. Всякое самосознание возникает в результате противопоставления. Подобно тому как отдельный человек познает свою индивидуальность, сравнивая себя с другими людьми и противопоставляя им себя, так и классовое сознание может появиться лишь в процессе размежевания и борьбы классовых интересов.

Классовое сознание английской буржуазии складывалось в одновременной борьбе на «два фронта»: против земельной аристократии, с одной стороны, и против рабочих — с другой. Борьба против аристократии носила открытый и резкий характер и получила довольно подробное освещение в литературе. Противоре-

чия между буржуазией и земельным дворянством были более острыми, чем это рисует Бриггс, и затрагивали больше проблем.

Буржуазия выступала против высоких налогов и их неравномерного распределения, однако в центре ее программы стоял лозунг «дешевого управления», и относился он не только к налогам. Интересы буржуазии требовали удешевления всех государственных расходов, поскольку последние в конечном счете удорожали стоимость английских товаров, что затрудняло им борьбу на международных рынках. Наиболее радикальные группы промышленной буржуазии, главным образом фабриканты, по словам К. Маркса, выступали с лозунгом: «*производить как можно дешевле и устранить все faux frais производства* (т. е. все излишние, не являющиеся необходимыми издержки производства)»²⁶. Лозунг «дешевого управления» был очень популярен в кругах буржуазии. Его широко пропагандировал Р. Кобден, представлявший манчестерских текстильных фабрикантов. Кобден шел так далеко, что осуждал даже военные расходы и, указывая на рост военного бюджета, требовал его сокращения²⁷.

Важным пунктом программы буржуазии было и сокращение непроизводительных расходов. Радикальные круги промышленной буржуазии выступали против непомерно высоких ставок чиновников. Автор «Черной книги», посвященной разоблачению коррупции, сопоставляя жалованье чиновников Англии и США, приходил к заключению, что ставки людей, занимавших одинаковые посты, например верховного судьи, в США были в 7—8 раз ниже, чем в Англии²⁸. Особенно резкой критике подвергались сипекуры, т. е. должности, которые оплачивались, но не были связаны с какими-либо обязанностями. Назначение на такие должности было издавна в Англии средством подкупа и вознаграждения за поддержку правительства. Авторы той же «Черной книги» подсчитывали, что по этой статье из государственной казны утекало ежегодно 1373 тыс. ф. ст., и приводили длинный список получателей этих сипекур²⁹. Критике подвергалась расточительность двора³⁰ и расходы господствующей церкви: доходы последней авторы исчисляли в 5 с лишним млн. ф. ст. в год. Подчеркивая, что подавляющая часть священников протестантской церкви вербуется в семьях дворянства, авторы книги писали, что эта сумма, по существу, является «подарком аристократам и джентри»³¹.

Однако буржуазия не ограничивалась критикой отдельных аспектов правительственной политики: по мере своего усиления она ставила вопрос о власти, в первую очередь об увеличении своего представительства в парламенте.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 360.

²⁶ Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Series, vol. 102, col. 1084.

²⁷ Black Book or Corruption Unmasked, New ed. L., 1828, vol. 1, p. 130.

²⁸ Ibid., p. 11—91.

²⁹ Ibid., p. 166—167.

³⁰ Ibid., p. 10, 391.

²⁵ Briggs A. Middle-Class Consciosness in English Politics 1780—1846.— Past and Present, 1956, N 9, p. 67—68.

Политический строй, созданный в Англии в результате так называемой «славной революции» 1688—1689 гг., оставил в руках земельной аристократии всю власть — как в центре, так и на местах. Заключенный тогда компромисс между отдельными группами имущих классов сохранял свою силу на протяжении последующего века. К. Маркс так характеризовал сущность этого компромисса: «За то, что буржуазия предоставляет им, этой олигархии аристократических родов, монополию управления и исключительное право замещения государственных должностей, они делают буржуазии все те уступки, неизбежность и неотложность которых уже обнаружили в ходе самого социального и политического развития, и помогают ей добиться проведения их в жизнь»³². Буржуазия была удовлетворена этим компромиссом. «В целом, — пишет английский исследователь, — она в это время не была очень заинтересована в политическом представительстве и не ощущала отрицательных последствий существующего положения», поскольку всегда имела возможность изложить свои требования и претензии в форме петиций в адрес правительства и парламента, а также через отдельных депутатов. Она «предпочитала заниматься своими делами и предоставляла управление землевладельцам, имевшим больше свободного времени. В те времена господствовало мнение... что управление страной — прерогатива землевладельцев...»³³.

К концу XVIII в. изменившееся соотношение сил внутри имущих классов требовало пересмотра сложившейся системы управления. Большинство депутатов парламента просто назначалось некоторыми землевладельцами и никого не представляло. В печати и в самом парламенте все чаще раздавались критика существующего положения и требования реформ.

В мае 1798 г. в парламенте состоялось обсуждение ряда петиций, в которых обращалось внимание на вопиющую несправедливость в распределении избирательных округов по стране: указывалось, что два округа — Корнуолл и Уилтшир, слабо заселенные аграрные графства, — посылают в парламент больше депутатов, чем такие густо населенные промышленные области, как Йоркшир, Ланкашир, Уорикшир, Миддлсекс, Вустершир и Сомерсетшир, вместе взятые. Авторы петиции также указывали, что выборы представляют собой фарс: 307 депутатов — более половины нижней палаты — находятся в распоряжении 154 человек, которые дарят эти места или продают их всем желающим. Доказывая необходимость реформировать существующие порядки, авторы петиции писали, что «собственность должна иметь одинаковые права», иначе говоря, владельцы денежного капитала должны иметь такой же голос, как и владельцы земли.

Правительство отвергло петицию и отказалось заняться реформой парламента, ссылаясь на войну с Францией³⁴.

Столь же неудачными оказались и следующие попытки буржуазии при помощи петиций добиться устранения злоупотреблений. В частности, в 1809 г. радикальные депутаты парламента дважды вносили резолюцию, призывавшую к реформе и устранению коррупции на выборах. Раздавались требования запретить продажу мест. И на этот раз ссылка на сложное международное положение страны была предложением для отказа от реформ. Представитель правительства Уиндзем заявил, что в настоящее время любые реформы «опасны и безумны». Другой представитель правящей партии тори утверждал, что проекты реформ, предложенные оппозицией, означают не что иное, как «полную и радикальную революцию». Было отвергнуто даже умеренное предложение — в целях экономии государственных средств сократить число sinecure и различных теплых местечек³⁵.

Атаки буржуазии долго оставались безуспешными. Один из вождей партии вигов, лорд Грей, еще в 1817 г. решительно отвергал «неожиданные и непродуманные» перемены и доказывал, что их следует проводить «постепенно, заботливо, стараясь сделать лишь то, что прямо необходимо». Нынешний парламента, при всех его недостатках, доказывал он, является «защитником народных прав и свобод»³⁶.

Буржуазия была в значительной мере сама повинна в этих неудачах. В годы войны с Францией в стране воцарилась атмосфера реакции. Под влиянием страха, вызванного событиями во Франции, все имущие классы сплотились на почве защиты существующего социального строя. Подъем демократического движения и народные волнения способствовали этому сплочению. Реакция продолжала господствовать и в первые годы после окончания войны.

С середины 20-х годов XIX в. атмосфера в стране стала меняться. Панический страх перед революцией уходил в прошлое. Требования реформы парламента зазвучали с новой силой и к концу этого десятилетия приняли очень острую форму. Журнал буржуазных радикалов «Эдинбург ревю» в 1829 г. в программной статье формулировал общие линии такой реформы. Парламент, по словам журнала, должен точнее отражать «мнение средних классов Британии». Подчеркивая, что имущественные ограничения для доступа к избирательной урне «абсолютно необходимы», т. е. отвергая всеобщее избирательное право, журнал не оставлял сомнений в том, чьи интересы он защищал. «Мы хотели бы положить конец любым преимуществам для каких-либо форм соб-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 356.

³³ Mingay G. E. English Landed Society in Eighteenth Century. L., 1963, p. 262—263.

³⁴ Speeches of Rt Hon W. Pitt and Rt Hon C. Fox on Mr Charles Grey's Motion for a Reform in Parliament. L., 1793, p. 74—93, 12—26.

³⁵ Annual Register for 1809. L., 1810, p. 157—169.

³⁶ Hansard's Parliamentary Debates, vol. 35, col. 427—428.

ственности»³⁷, — заявлял автор статьи. Журнал «Джентльменс мэгэзин» призывал новое министерство вигов в 1830 г. опираться не на аристократию, а на «народ, под которым мы имеем в виду средние классы»³⁸.

Конец 20-х и начало 30-х годов заполнены напряженной борьбой буржуазии за реформу парламента. К этому времени относится настоящая памфлетная война: сторонники реформы в многочисленных брошюрах резко критиковали избирательную систему и предлагали проекты ее изменения.

Натолкнувшись на сопротивление, буржуазные сторонники реформ развили бурную деятельность. Считая необходимым оказать моральное давление на противников, они развернули кампанию по мобилизации общественного мнения и привлечению масс к борьбе. Орудием такой мобилизации явились политические союзы буржуазии, которые возникли в Бирмингеме и в ряде других городов³⁹. На митингах, организованных этими союзами, раздавалась резкая критика существующего парламента и выдвигалась программа реформы избирательной системы.

В 1830 г. партия вигов объявила себя сторонницей парламентской реформы и на выборах в ноябре этого года, как известно, получила большинство. Новые выборы летом 1831 г. увеличили это большинство, и реформа парламента встала в порядок дня. Разработанный вигами билль, предусматривавший умеренную реформу парламента, прошел в нижней палате, но после того, как лорды его провалили, борьба была перенесена в верхнюю палату. Политические союзы усилили свою агитацию. Публичные митинги принимали все более массовый характер, а выступления ораторов становились все более резкими и решительными. Некоторые представители буржуазии заговорили угрожающим языком. Журнал вигов «Эдинбург ревю» прямо предупреждал, что попытка отвергнуть билль грозит «конвульсиями небывалой силы»⁴⁰. О том, каким языком порой говорили представители буржуазии, может дать некоторое представление такой эпизод. Один из участников борьбы за реформу, торговец углем Т. Марфи, в ответ на угрозу лорда Мельбурна арестовать его за «буйствовоческие речи» не побоялся заявить, указывая на фонарный столб: «Вы будете болтаться на этом столбе ранее, чем арестуют меня»⁴¹.

Представители буржуазии пытались создать впечатление, что их требования встречают широкую поддержку всех слоев английского народа. Тот же журнал в июне 1831 г. писал, что реформа парламента — это «почти единодушное требование сред-

них и низших классов», и восхвалял единство народа⁴². Действительно, лозунг преобразования парламента и демократизации политического строя поддерживали широкие массы, в том числе многие рабочие. Однако уже на этом этапе в рядах сторонников реформы, как мы увидим далее, раздавались голоса, которые критиковали предлагаемую реформу, указывали на ее половичатость и требовали более радикального закона. Напротив, буржуазные реформаторы подчеркивали, что не преследуют радикальных целей и решительно отмежевывались от революции. Автор «Черной книги» заявлял: «Цель реформы — отнюдь не в том, чтобы поколебать церковь, парламента или прерогативы короны. Напротив, мы стремимся в той мере, в какой позволяют изменившиеся обстоятельства, восстановить старинные и законные права различных сословий (orders)»⁴³.

Как известно, в конце концов сторонники реформы одержали победу: в июне 1832 г. лорды были вынуждены отступить, билль о реформе стал законом.

Парламентская реформа 1832 г. была весьма скромной. Она не закончила с засильем земельной аристократии помещиков и не дала голоса народу: она ограничилась главным образом ликвидацией вопиющих несообразностей системы, прежде всего так называемых «гнилых» местечек и некоторых «карманных» округов, где распоряжался единолично лендлорд. Главным образом за счет этого было увеличено представительство от промышленных городов, иначе говоря, промышленная буржуазия была в более широких масштабах допущена в парламента. Наиболее радикальные круги буржуазии не были удовлетворены таким половичатым исходом борьбы и в последующие годы неоднократно, но безуспешно пытались провести новую реформу.

Вторая массовая атака на позиции землевладельцев была предпринята буржуазией в 40-х годах. На этот раз в центре борьбы оказались ввозные пошлины, главным образом на хлеб. Интересы кругов, связанных с землей, — дворянства и фермеров — здесь снова решительно разошлись с интересами буржуазии. Первые стремились при помощи ввозных пошлин поддерживать высокие цены на продовольствие и сырье, например шерсть, буржуазия добивалась удешевления того и другого. Поскольку в парламенте она не имела решающего перевеса, ей снова пришлось обратиться к народным массам за поддержкой. Лига борьбы против хлебных законов, созданная в 1839 г., развернула бешеную активность. На многочисленных митингах, в миллионах брошюр и памфлетов, с трибуны и даже с амвона пропагандисты «дешевого хлеба» обличали эгоизм аграриев, обрекающих народ на голод ради своих доходов, и самыми яркими красками рисовали блага, которые ожидают англичан после отмены пошлин.

³⁷ Edinburgh Review, 1829, Oct., p. 125.

³⁸ Gentlemen's Magazine, 1830, May, p. III—IV.

³⁹ Flick C. Birmingham Political Union and the Movement for Reform in Britain 1830—1839. Hamden, 1978.

⁴⁰ Edinburgh Review, 1831, Mar., p. 252.

⁴¹ Rowe D. J. Class and Political Radicalism in London 1831—1832.— Historical Journal, 1970, N 1, p. 32.

⁴² Edinburgh Review, 1831, Jun., p. 503.

⁴³ Black Book, vol. 1, p. 389.

Однако понадобилось несколько лет, чтобы осуществить эту программу: только в 1846 г. таможенная система была пересмотрена. Это было окончательной победой буржуазии над землевладельцами. Так закончилась острая борьба в среде имущих классов: соотношение сил между ними окончательно сложилось в пользу буржуазии. За этим последовало их примирение.

Главной причиной этого примирения явилось стремление господствующих классов к сличению перед угрозой растущего рабочего движения. Чартизм, поднявший на борьбу огромные массы народа, с его требованиями политических прав, за которыми стояла программа глубоких социальных перемен, в одинаковой степени напугал все имущие классы. К. Маркс дал исчерпывающее объяснение поведения буржуазии. В 1852 г. он писал: «...Если аристократия для них умирающий противник, то рабочий класс для них нарождающийся враг. И они предпочитают вступить в сделку с умирающим противником, нежели усиливать не показными, а реальными уступками растущего врага, которому принадлежит будущее»⁴⁴.

Примирению между классом буржуазии и земельной аристократии способствовали и более частные причины. Консолидация их интересов была естественным следствием развития капитализма. Вслед за городом он победил и в деревне. Помещики и фермеры вели свое хозяйство чисто капиталистическими методами в тесной связи с рынком и широко применяя наемный труд. В. И. Ленин так определял характер английского аграрного строя: «Старое землевладение, лендлордизм, при новой, свободной, чисто капиталистической аренде»⁴⁵. Фермеры являлись, по существу, такими же капиталистическими предпринимателями с тем отличием от фабрикантов, что вкладывали свои капиталы в сельское хозяйство.

Помещики старались от них не отставать и не гнушались капиталистическим предпринимательством. Толп задавали знатные фамилии. Крупнейшие землевладельцы маркиз Лондондерри и граф Финдджеральд активно эксплуатировали залежи каменного угля, оказавшиеся на их землях, нанимая рабочих, и торговали углем. Землевладелец Калторп занимался строительными подрядами.

Со своей стороны крупная буржуазия пропикала в ряды дворянства. Предприниматели и коммерсанты, разбогатев, покупали поместья и титулы и вливались в ряды земельной аристократии. Наглядный пример такого проникновения дает богатая банкирская семья Бэрингов, которая на протяжении XIX в. купила четыре дворянских титула. Различные ветви этой фамилии посвят фамилии графов Норсбрук и Кромер, а также баронов Ревельсток и Ашбертон. Все они заняли места в палате лордов.

Сближение между классами собственников шло и благодаря смешанным бракам: таким образом представители буржуазии проникали в семьи дворянства, а обедневшие дворянские фамилии возвращали себе средства. Известную роль в этом процессе играла и система майората, при которой основная часть наследства вместе с титулом переходила к старшему сыну, а остальные сыновья должны были искать свои пути обогащения. Многие из них обращались к капиталистическому предпринимательству, шли в армию, флот и на колониальную службу и здесь также добивались богатства. Так, в результате развития капитализма классовые противоречия в среде имущих классов уступали место сотрудничеству.

Окончательные результаты этого процесса сказались лишь к середине XIX в. В острой борьбе между буржуазией и земельной аристократией за власть выковывалось классовое сознание буржуазии, понимание своих особых интересов как общественного класса.

Отражением этого явилось учение классиков буржуазной политической экономии — А. Смита и Д. Рикардо — о делении общества на классы в зависимости от источника их дохода — земля, промышленность и труд. Эта концепция явилась теоретическим осмыслением классовых противоречий, существующих в действительности.

Процесс складывания классового сознания буржуазии занял много времени. Первые объединения буржуазии были связаны с ее борьбой против рабочего класса, но они ограничивались, как правило, локальными рамками и вскоре распадались. Более постоянный характер имели союзы предпринимателей, появившиеся в 70-е годы XVIII в. Ранее всего они возникли среди купцов-суконщиков и ставили перед собой более широкие задачи: наряду с борьбой против рабочих они должны были следить за соблюдением законов против злоупотреблений в практике раздачи сырья и скупки готовых изделий. Столь же частные и локальные цели преследовали объединения предпринимателей и в других отраслях.

К середине 80-х годов XVIII в. относятся первые попытки создания более постоянных объединений предпринимателей для достижения политических задач. Застрельщиками и на этот раз были текстильные фабриканты Манчестера — самая энергичная часть промышленной буржуазии. Генеральная промышленная палата, созданная в 1785 г., ставила своей целью борьбу против введенного Питтом в том же году нового налога на отбелку и крашение тканей, а также против доступа на английский рынок ирландских изделий. Манчестерская палата направила правительству и парламенту серию петиций и адресов и заставила Питта отменить налог и ограничить ввоз из Ирландии. Осуществив свою непосредственную задачу, палата прекратила существование. Промышленная буржуазия еще не дошла до понимания общности своих интересов в масштабах всей страны. Только

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 361.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 383.

к 1820 г. относится создание постоянных торговых палат — сначала в Манчестере, а затем и в других промышленных центрах. Эти палаты ставили центральной задачей оказывать влияние на решения парламента — поощрять законодательство в интересах промышленности и препятствовать всему тому, что мешало торговле.

Постепенно уверенность буржуазии в своей важной роли возрастала, а с ней и ее претензии. При создании Генеральной промышленной палаты авторы ее программы заявляли, что «промышленники (manufacturers) Великобритании составляют очень большую, если не основную, часть общества (community), их трудолюбие, изобретательность и богатство не в малой степени способствовали тому, что это королевство заняло выдающееся и завидное положение среди европейских наций»⁴⁶. В 1798 г. журнал «Монсли мэгэзин» писал, что в среде буржуазии (среднем сословии, middle ranks) «сосредоточены не только основные знания, но также общественные и личные достоинства»⁴⁷. Журнал «Атенеум» утверждал, что этот класс (он называл его «средним сословием народа») представляет «людей, которых мудрейшие политики всегда считали самыми ценными членами общества, потому что они менее других испорчены»⁴⁸. Джеймс Милл в 1820 г. обобщил этот взгляд на среднее сословие. В своем сочинении «Эссе о правительстве» он писал, что «все считают этот класс самой мудрой и самой добродетельной частью общества», которая определяет общественное мнение страны⁴⁹. В 1830 г. журнал «Джентльменс мэгэзин» также говорил об «этом интеллигентном (intelligent) и важном классе английского общества, который контролирует все, что стоит ниже его, и влияет на все, что стоит над ним»⁵⁰. Журнал «Вестминстер ревю», орган буржуазных радикалов, в 1826 г. заявил, что «средние классы» составляют величие Англии и от них идет все хорошее⁵¹. Журнал «Эдинбург ревю» называл этот класс «разумной частью общества, самой важной и самой почтенной частью народа». Уточняя, он писал, что имеет в виду «основную массу ее почтенных и хорошо информированных жителей, короче говоря, средние классы»⁵².

В подобных высказываниях, число которых можно значительно увеличить, явственно звучит растущая самоуверенность буржуазии, ее убеждение в своей силе и важности. Порою она уже прямо претендовала на право представлять в своем лице все английское общество, отождествлять последнее со своими узко-

классовыми интересами и целями. Эту тенденцию можно уже увидеть в утверждениях журнала «Эдинбург ревю», но еще более решительно и откровенно ее высказал известный политический деятель той поры лорд Брум, который в 1831 г., выступая в палате, заявил: «Когда я говорю народ, я имею в виду средние классы — богатство и разум (intelligence) страны, славу британского имени»⁵³. От подобной самоуверенности было уже совсем недалеко и до претензии на решающую роль в управлении страной. Эту претензию отчетливо выразил Р. Кобден в письме Р. Пилю в 1846 г.: он предлагал этому политику осознать необходимость управлять страной «через подлинных представителей средних классов»⁵⁴.

Эти и подобные высказывания свидетельствовали о том, что английская буржуазия не страдала неуверенностью в себе. Процесс складывания ее классового сознания подходил к концу.

* * *

Складывание английского пролетариата и формирование его классового сознания происходило параллельно с оформлением буржуазной идеологии.

Рабочий класс в Англии существовал задолго до промышленной революции, и развитие капиталистического производства было бы невозможно без наличия рабочей силы. В ходе промышленной революции численность наемных рабочих сильно возросла. Английский публицист в 1850 г. писал: «В Европе нет другой страны, кроме Англии, где труд народа принял бы в такой мере характер наемного труда. Почти каждый человек, трудящийся здесь физически, работает за заработную плату»⁵⁵.

Определение точного числа рабочих в эти годы сопряжено с трудностями. Всенародные переписи населения, которые проводились каждые 10 лет начиная с конца XVIII в., не содержат данных на этот счет. Вплоть до 1830 г. в них учитывались не отдельные лица, а семьи. Только начиная с переписи 1840 г. фигурируют данные о занятиях и профессии отдельных людей. Однако в этих данных отсутствует классовая дифференциация: рабочие и хозяева зачислялись в одну графу по отраслям и занятиям. Согласно этой статистике, общее число занятых всеми видами труда в Англии (кроме служащих) в 1841 г. составляло 5098,6 тыс. человек, а в 1851 г. — 6269 тыс. человек⁵⁶. Если из этой цифры мы вычтем хозяев, то число людей наемного труда в 1841 г. составит 4492,7 тыс. человек (из них фабричных рабочих — 2133,8 тыс. человек), а в 1851 г. — 5485,2 тыс. человек

⁴⁶ Sketch of a Plan of the General Chamber of Manufacturers of Great Britain. L., 1785.

⁴⁷ Monthly Magazine, 1798, p. 1. Цит. по: Briggs A. The Language of Class..., p. 54.

⁴⁸ Athenaeum, 1807. Цит. по: Briggs A. The Language of Class..., p. 54.

⁴⁹ Mill J. Essay on Government. L., 1937, p. 71—72.

⁵⁰ Gentlemen's Magazine, 1830, May, p. 412.

⁵¹ Westminster Review, 1826, Oct., p. 269.

⁵² Edinburgh Review, 1831, Jan., p. 536, 544.

⁵³ Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Series, vol. 8, col. 1029.

⁵⁴ Morley J. Life of R. Cobden. L., 1903, p. 390.

⁵⁵ Johnson W. England as it is. Political, Social and Industrial in the Middle of the Nineteenth Century. L., 1851, vol. 2, p. 213.

⁵⁶ British Parliamentary Papers. Census 1841, vol. 4, 5, 6. Shannon, 1970; Census 1851, vol. 8, 9. Shannon, 1970.

(из них фабричных — 2993,3 тыс. человек)⁵⁷. Учитывая неполноту статистики, действительное число наемных рабочих было, вероятно, несколько выше. Во всяком случае из населения в 21 млн. человек в 1851 г. почти 5,5 млн. человек существовали благодаря наемному труду. Ф. Энгельс полагал, имея в виду самостоятельное население, что в Англии уже в 40-е годы XIX в. «по меньшей мере три четверти населения принадлежат к рабочему классу»⁵⁸. Такой концентрации рабочего класса история еще не знала. Таким образом, конец XVIII и первая половина XIX в. явились периодом складывания английского рабочего класса.

Однако дело не ограничивалось простым увеличением числа рабочих: с конца XVIII в. сильно изменились сами рабочие. Для того чтобы прежний полукрестьянин превратился в пролетария, необходима была глубокая перемена в его сознании. Складывание нового класса предполагает его идейное формирование.

Историки по-разному определяют хронологию этого процесса. Г. Перкин утверждает, что «английский рабочий класс родился между 1815 и 1820 гг.», поскольку именно в эти годы рабочие окончательно отказались от руководства со стороны «высших классов», иными словами, осознали себя особым классом общества⁵⁹. Историк Э. Томпсон считает, что этот процесс занял более продолжительный отрезок времени: с 1780 по 1832 г.⁶⁰

Когда же в действительности сложилась в Англии идеология пролетариата? Для решения этого важного вопроса следует договориться о содержании этого процесса. Английский историк Р. Моррис различает три ступени классовой сознательности рабочих: для первой характерно простое понимание классовых различий, для второй — понимание общности классовых интересов в рамках локальной группы и только для третьей — чувство солидарности со всем классом в целом⁶¹. Эта схема может быть пригодна для различения отдельных этапов формирования классовой солидарности рабочего класса, однако она не пригодна для определения момента появления самой классовой сознательности. Простого понимания классовых различий здесь уже недостаточно: необходимо прежде всего осознание рабочими своего особого положения в обществе, резкого отличия своих интересов от интересов других классов, прежде всего буржуазии.

Английские пролетарии XIX в. по своему положению сильно отличались от рабочих XVIII в. На протяжении первых десятилетий XIX в. подавляющее большинство их окончательно расста-

лось с собственностью и землей, и теперь их существование целиком зависело от заработной платы. Однако понимание этого факта отставало от объективного положения: рабочий еще долго не мог свыкнуться с ним, надеялся, что оно является временным, что, подзаработав, он сможет вернуться к земле и собственности и покончит с постоянной неуверенностью в завтрашнем дне, вернет себе спокойное и независимое занятие. Отказ от этих надежд требовал длительной психологической перестройки. Не меньше времени понадобилось и для того, чтобы рабочий понял обособленность своих классовых интересов от интересов других классов: это означало разрыв с прежним мировоззрением, которое покоилось на представлении об исконном и естественном разделении людей на «низших» и «высших» и требовало в последних видеть своих благодетелей. Этот разрыв был первым и решающим шагом в идейном складывании рабочего класса. Только после него становится возможным взгляд на противоположность классовых интересов рабочего класса и буржуазии.

Свое классовое сознание английский рабочий вырабатывал в повседневной борьбе против хозяев. Начало этой борьбы восходит к очень далеким временам. Столь же глубоко в прошлое уходят и первые попытки создания рабочих организаций. По словам английских исследователей, «самые ранние устойчивые союзы наемных рабочих в Англии на целое столетие предваряют появление фабричной системы»⁶². Но открытая борьба между трудом и капиталом начинается только с возникновения капиталистического производства, т. е. со второй половины XVIII в.

История этой борьбы еще недостаточно изучена. Причиной этого являются прежде всего особенности рабочего движения на этом этапе, в частности его тесное переплетение с другими формами народных движений. Другим серьезным препятствием для проникновения в прошлое рабочего движения является состояние источников. Попытки организованных выступлений рабочего класса воспринимались имущими классами как неслыханное нарушение традиции, диктовавшей почтение к «высшим», как возмутительный «бунт» и поэтому встречались в штыки. Спасаясь от репрессий, рабочие были вынуждены прибегать к строгой конспирации, обставлять свою деятельность глубокой тайной. Разумеется, при таком положении от той эпохи не могло остаться много документов.

В последние десятилетия XVIII в. репрессивная политика властей усилилась. Под влиянием страха, вызванного событиями во Франции, английские господствующие классы усматривали в любых проявлениях социального протеста опасный заговор против собственности и существующего строя. Секретные комиссии палаты общин в 1801, 1812 и 1817 гг. пересказывали папишеские слухи о широко разветвленной сети заговорщических организаций, готовящих революционное восстание. Власти нередко просто

⁵⁷ О методах подсчета см.: *Ерофеев Н. А.* Формирование английского пролетариата. — В кн.: *Рабочее движение Великобритании XIX—XX вв.* М., 1979, с. 7—20.

⁵⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 257.

⁵⁹ *Perkin H. J.* Op. cit., p. 213.

⁶⁰ *Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. L., 1970.

⁶¹ *Morris R. J.* Op. cit., p. 37.

⁶² *Webb S. and B.* History of Trade Unionism. New ed. L., 1920, p. 26.

фабриковали ложные сведения о заговорах и широко применяли полицейские провокации.

В этой обстановке даже самые скромные проекты реформ объявлялись несвоевременными и опасными, а их авторы — революционерами. Буржуазные реформаторы, на время примолкшие, протестовали против этих обвинений и, пытаясь доказать, что для страхов нет никаких оснований, склонны были приуменьшать масштабы рабочего движения, его организованность и сознательность. «Источники за период с 1790-х годов до 1820 г., — пишет английский исследователь, — необычайно осложнены полемикой». На этом основании автор весь этот период именуется для исследователя «непроницаемым» (ораке) ⁶³.

В 1824 г. парламент отменил запретительное законодательство против рабочих организаций в надежде, что легализация союзов облегчит слежку за ними и борьбу против них. И хотя в следующем году на деятельность союзов снова были наложены серьезные ограничения, с этого времени организованность рабочего класса быстро возрастает. Одновременно появляются более надежные источники, позволяющие следить за эволюцией его идеологии.

Эти годы заполнены поисками форм борьбы и организации. В рабочей среде распространяются сочинения радикальных мыслителей того времени — Т. Пэна, Т. Спенса, У. Годскина, У. Годвина и многих других. Особенно большое влияние на рабочую мысль оказали труды и деятельность Р. Оуэна. Фабрикант Д. Холт в письме в газету «Таймс» с тревогой писал: «В настоящее время среди рабочих (operatives) царит необыкновенное волнение, и любые планы, даже самые дикие и экстравагантные, находят своих горячих приверженцев» ⁶⁴. Рабочие хотели понять причины своего бедственного положения и найти из него выход. Буржуазия пыталась поставить заслон этим идеям, она создавала многочисленные просветительские клубы и союзы, апеллировала к церкви, однако не могла остановить начавшегося процесса идейного развития рабочего класса.

Борьба буржуазии за политические реформы способствовала росту активности рабочих. Корреспондент газеты «Лидс меркюри», органа промышленной буржуазии, признавал в 1832 г., что «политические события внесли необычайное оживление в мышление широкой массы», и ратовал за создание образовательной системы, которая могла бы дать этому оживлению мысли «правильное направление» ⁶⁵.

На первых этапах борьбы за реформу парламента некоторые группы рабочих поддерживали буржуазных радикалов, толкая их на более решительные действия. Еще зимой 1829—1830 г. в Лондоне возникла Ассоциация радикальной реформы, которая состояла в основном из рабочих и ремесленников, но вскоре

слилась с чисто буржуазным Столичным политическим союзом. Летом 1830 г. возникла другая политическая организация рабочих, принявшая наименование «Национальный союз рабочих классов и других», которая выдвинула требование всеобщего избирательного права, тайного голосования и ежегодных переизборов парламента. Буржуазные радикалы не решились выступить открыто против этой программы, стремясь использовать поддержку масс. Однако очень скоро буржуазия предала своих союзников.

Реформа парламента провела глубокий водораздел в отношениях между рабочим классом и буржуазией. Измена буржуазных радикалов сыграла немалую роль в этом отчуждении. Рабочие еще острее, чем раньше, поняли непримиримость своих интересов с интересами буржуазии. Отчуждению рабочего класса способствовало и последующее законодательство реформированного парламента, в частности принятие им чрезвычайно непопулярного в народной массе закона о бедных. Расхождение между рабочими и буржуазией превращалось в пропасть.

Наращение классового антагонизма ясно прослеживается в прессе тех лет. Еще в марте 1831 г., в разгар борьбы за реформу, популярный радикал Г. Гетерингтон предупреждал, что буржуазия не заслуживает доверия. «Средние классы, — писал он, — никогда не дадут беднякам и презираемой ими черни, даже если она именуется рабочими классами, в каком-нибудь отношении равных прав с собою» ⁶⁶. Но если в то время подобные настроения были единичными, то после 1832 г. они получили среди рабочих широкое распространение. Газета «Защитник бедняка», орган рабочих, прямо писала: «Средние классы — вот кто является действительным тираном в стране. Как вы ни пытаетесь скрыть этот факт, но именно они — причина нашего рабства, ибо без их согласия и тайной поддержки тирания не могла бы удержаться. Правительство — всего лишь орудие в их руках, осуществляющее их гнусные цели» ⁶⁷. Отношение рабочих к буржуазии, получившей доступ в парламент, выразил другой печатный орган, близкий к ним. Рабочие, писал он, «считают, что было бы тщетным ожидать законодательных мероприятий, направленных на улучшение их положения» ⁶⁸. На растущий классовый антагонизм с тревогой указывал манчестерский фабрикант П. Кэй. Между предпринимателями и «рабочими классами, — писал он в 1832 г., — возникли поводы для разногласий, и в результате повсюду существует враждебность» ⁶⁹.

Ведущий орган радикальной буржуазии журнал «Эдинбург ревю» с тревогой отмечал новые настроения в рабочем классе.

⁶³ Thompson E. P. Op. cit., p. 529.

⁶⁴ Times, 1834, 28 Febr.

⁶⁵ Leeds Mercury, 1832, 22 Sept., p. 59.

⁶⁶ Penny Papers for the Poor, 1831, 12 Mar.

⁶⁷ Poor Man's Guardian, 1833, 2 Nov.

⁶⁸ Pioneer, 1833, N 5, Oct., p. 35.

⁶⁹ Kay P. J. Moral and Physical Condition of the Working Classes Employed in the Cotton Manufacture in Manchester. Manchester, 1839, p. 9.

«До последних лет,— писал он,— союзы среди рабочих не имели других задач, кроме установления и закрепления определенных ставок заработной платы по отдельным отраслям. Теперь же ораторы и публицисты этих союзов усвоили новый, более высокий тон: они объявляют войну против капиталистов в целом и выдвигают грандиозные проекты раздела прибылей между производителями, которые до настоящего времени поставляли рабочую силу и получали заработную плату,— проекты, которые, разумеется, означают полную социальную, а равно и политическую революцию»⁷⁰.

Как эти, так и многие другие признаки свидетельствовали о непрерывно нараставшем антагонизме между рабочими и буржуазией. Он явился естественным следствием усиления политической власти буржуазии. К. Маркс писал: «Пока господство буржуазии не организовалось вполне, не нашло своего чистого политического выражения, антагонизм между другими классами и буржуазией также не мог выступить в чистом виде...»⁷¹. Завоевание буржуазией в 1832 г. политической власти неизбежно должно было провести резкую грань между нею и рабочим классом. «...Моральная власть буржуазии над народными массами,— писал Маркс,— ослабевала по мере того, как крепла ее фактическая власть»⁷².

Высокий уровень классовой сознательности английский рабочий показал в период чартистского движения, а в ходе борьбы за хартию идейно он вырос еще больше. На первом этапе чартизма радикальная буржуазия, как известно, поддерживала рабочих: радикалы, недовольные половинчатым исходом борьбы за реформу парламента, надеялись использовать поддержку народных масс для нажима на земельную аристокрацию и тем самым вырвать у нее новые уступки. Составление Народной хартии происходило при прямом участии буржуазных радикалов. Однако очень скоро их пути с рабочими разошлись. Разочарование было обоюдным. Рабочие решительно отвергли попытку радикальных буржуа руководить движением, а буржуазия, напуганная характером движения, отошла от чартизма. Это стало явным уже на первом этапе борьбы за хартию, в период работы первого чартистского конвента (1839 г.). Чартистские лидеры и пресса не уставали подчеркивать коренное отличие интересов буржуазии и рабочих.

Окончательное превращение буржуазии в противников чартизма произошло уже в конце 30-х — начале 40-х годов. Это совпало с новой попыткой буржуазии привлечь на свою сторону народные массы для борьбы против земельного дворянства. Поводом для этого похода явился вопрос о пошлинах на хлеб. Лига борьбы против хлебных законов, обращаясь к рабочим, пыталась

их убедить в том, что нужда народа объясняется только высокими пошлинами на хлеб и другие продукты и что достаточно будет отменить эти пошлины, установить «свободную торговлю», как все социальные проблемы будут разрешены, а заодно отпадут и главные поводы для международных конфликтов, на земле воцарится прочный мир.

Чартисты в принципе поддерживали требование об отмене пошлин, поскольку последние удорожали продукты. Но демагогия фритредеров заставила их насторожиться: они подозревали, что буржуазия хотела бы агитацией «свободной торговли» подменить борьбу за хартию и что в сущности эта агитация направлена против чартизма. Чартистская газета писала, что хлебные законы являются вредными, но они не причина болезни, а только симптом ее: поэтому необходимо в первую очередь ликвидировать самую болезнь, т. е. законодательство, а все остальное приложится⁷³. В другой раз та же газета доказывала, что всеобщее избирательное право, которого добиваются чартисты, важнее, чем «свободная торговля»: если удастся добиться первого, то второе можно будет провести без труда⁷⁴.

Подозрения чартистов имели основания: фритредеры отказывались поддерживать хартию и на своих митингах не давали слова чартистам для изложения их позиций. Поэтому чартисты перешли к борьбе с фритредерами. Чартистская пресса обличала эгоизм «средних классов». Особенно последовательно и аргументированно это делал на страницах газеты «Северная звезда» деятель чартистского движения блестящий публицист О'Брайен⁷⁵. Антагонизм между буржуазией и пролетариатом обострялся. Наблюдательные современники не могли не заметить этого. Известный политический ежегодник в обозрении событий за 1839 г. отмечал как особенно замечательную черту чартистского движения в этом году «враждебность чартистов не столько в отношении привилегированных групп, которые до сих пор были главным объектом нападок со стороны демократов, сколько в отношении капиталистов в целом. Фактически это — восстание, явно направленное против средних классов...»⁷⁶.

Выступления против фритредеров способствовали политическому просвещению рабочего класса и росту его классового сознания. На протяжении 40-х годов и особенно в период нового подъема массовых движений, в 1847—1848 гг., окончательно складывается классовое сознание английского рабочего. Процесс формирования пролетариата завершается. «...В ходе длительной, хотя и скрытой, гражданской войны,— писал в 1852 г. К. Маркс,— он выработал ясное сознание своего положения как класса»⁷⁷.

⁷³ Northern Star, 1840, 28 Mar.

⁷⁴ Ibid., 1841, 25 Apr.

⁷⁵ Ibid., 17 Apr.

⁷⁶ Annual Register for 1839. L., 1840, p. 305.

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 362.

⁷⁰ Edinburgh Review, 1834, Jul.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 160.

⁷² Там же, с. 165.

Промышленная революция произвела решительные сдвиги в экономическом базисе английского общества, за которыми неизбежно последовали и коренные сдвиги в социальной структуре страны. Прежнее сословное деление общества отходило в прошлое, уступая место новым и более острым классовым антагонизмам. Социальная действительность с ее резкими контрастами и острой классовой борьбой должна была найти отражение в терминологии. Однако перемены в языке, как известно, всегда протекают медленно и сильно отстают от жизни. Так, английское общество давно делилось на классы — борьба между ними вспыхивала там и сям, но в умах участников эти конфликты, как правило, еще долго осознавались в терминах сословного общества. Рабочие, выступая против хозяев, видели в них не представителей другого класса, а отдельных бессовестных людей, монополистов и спекулянтов, пользующихся своим положением. Острые народных выступлений того времени, в которых основную массу составляли рабочие, направлялось обычно либо против непосредственных причин недовольства — пехватки или дороговизны продуктов, либо концентрировалось в каком-нибудь популярном лозунге — против католиков, ирландцев и т. п.⁷⁸

В результате новые типы классовых отношений еще формулировались в старых терминах сословного общества. Так, буржуазия долго обозначалась термином «среднее сословие» (*middle rank*), хотя этот старый термин переосмысливался и наполнялся новым содержанием.

На известном этапе появился термин «класс». Он прилагался еще в XVIII в. к учебным группам и в науке для группировки растений и представителей животного мира. Этим словом также широко пользовались члены секты методистов или так называемых веслеянцев (последователей Дж. Весли) для обозначения небольших групп верующих, которые собирались вместе, чтобы молиться, поскольку власти запрещали их молитвенные собрания. В самом конце XVIII в. этот термин получает новый смысл и начинает применяться для обозначения социальных групп. Одним из первых, кто использовал его в новом смысле, был Т. Гизборн, автор книги «Исследование обязанностей высших сословий и средних классов общества Великобритании»⁷⁹. Характерно, что автор этой книги был близок к методистам и являлся другом одного из лидеров методизма, Уайтфилда. Возможно, знакомство с терминологией секты в данном случае могло сыграть известную роль. Термин постепенно приживался. В 1797 г. журнал «Монсли мэгэзин», жалуясь на высокие налоги, ссылался на тяжелое положение «средних и трудолюбивых классов общест-

ва»⁸⁰. С начала XIX в. это выражение встречалось еще чаще, однако еще долго оно употреблялось наравне с выражением «средние сословия». Происходил процесс своеобразного «слияния» этих выражений: термин «сословие» в данном контексте уже потерял свой прежний смысл, а термин «класс», хотя и наполнялся новым содержанием, но под ним имелся в виду не столько социальный слой общества, сколько определенное положение в обществе.

Этот процесс сосуществования терминов и их постепенного сближения с одновременным наполнением их новым содержанием продолжался на протяжении всей первой половины XIX в. Так, Р. Оуэн, который, по мнению А. Бриггса⁸¹, первым использовал выражение «рабочие классы» в 1813 г. в своей работе «Опыты о формировании характера», писал о «бедных и рабочих классах Великобритании и Ирландии»⁸². Оуэн отождествлял имущественное положение и принадлежность к определенной группе населения.

Одновременное существование этих терминов заметно в книге Д. Уэйда «История средних и рабочих классов», вышедшей в 1833 г. На первый взгляд терминология автора весьма напоминает современную. Однако при ближайшем рассмотрении можно убедиться в том, что это сходство носит чисто внешний характер и за ним кроется существенное различие. Автор употребляет термины «средние классы» и «средние сословия» как совершенно однозначные, а также говорит о положении «аграрных, коммерческих и промышленных классов». Говоря о «промышленных классах», он проводит различия между хозяевами и рабочими. Очевидно, терминология автора еще не устоялась. Это сказывается на протяжении книги, где все время отождествляются понятия «класс» и «занятие»⁸³.

Постепенно в процессе эволюции старая терминология отмирала и слово «класс» все чаще вытесняло все прежние. Однако даже после того, как слово «класс» получило полные права гражданства и вытеснило все прежние термины, оно само еще долго оставалось недостаточно определенным. Об этом свидетельствует тот факт, что вплоть до конца XIX в. в английской литературе термин «класс» употреблялся не в единственном, а во множественном числе: «средние классы» и «рабочие классы». Класс, видимо, не имел еще четко очерченных границ и охватывал различные слои и группы общества. Это в какой-то мере понятно в отношении буржуазии, но совершенно не оправдано в отношении рабочего класса, который уже к середине XIX в. сформировался в определенную, четко различимую социальную группу, в которой решительно преобладали общие черты.

⁸⁰ Monthly Magazine, 1797, p. 397. Цит. по: Briggs A. Middle-Class Consciousness, p. 68.

⁸¹ Briggs A. The Language of Class..., p. 52.

⁸² Owen R. Essays on the Formation of Character. L., 1813.

⁸³ Wade J. History of the Middle Classes. L., 1833, p. V—VI, 45, 473.

⁷⁸ Rudé G. Paris and London in the Eighteenth Century. Studies in Popular Protest. L., 1970, p. 299—340.

⁷⁹ Gishborne T. Enquiry into the Duties of Men in the Higher Ranks and Middle Classes of Society in Great Britain. L., 1795.

Таким образом, к моменту появления на исторической сцене марксистского учения понятие «класс» так и не приобрело четкости. Маркс и Энгельс наполнили этот термин конкретным содержанием. В «Манифесте Коммунистической партии» они провозгласили: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»⁸⁴. И хотя из контекста манифеста вытекает, что именно имеется в виду под этим словом, Энгельс позднее в примечании поясняет, что принадлежность к тому или иному классу определяется отношением к средствам производства⁸⁵. К. Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»⁸⁶. Именно с этого времени термин «класс» начинает новую жизнь как важнейшее орудие познания и анализа общественных явлений.

⁸⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, т. 28, с. 427.